

скрыть золото и хотѣлъ было сбросить съ плеч воловью шкуру. Но увя она такъ плотно приросла къ его тѣлу, что всѣ уси-
лія остались напрасными. Несчастный въ иступленіи бѣгалъ по
деревнѣ, проклиная свою алчность и безуміе. Всѣ громко издѣ-
вались надъ нимъ и каждый предлагалъ по своему разуму сред-
ство избавиться отъ тяжелой и безобразной ноши. Но когда всѣ
совѣты оказались хороши только на словахъ, мулла порѣшилъ
прожить въ воловѣй шкурѣ до конца своей жизни. Когда же
иноземцу приходилось допрашивать у него о такомъ небываломъ
чудѣ, онъ отвѣчалъ:

— Во всемъ этомъ нѣтъ ничего удивительнаго: мой отецъ
былъ волъ и я сынъ-вола.

Этимъ отвѣтомъ онъ присвоилъ безыменному селенію наше-
му названіе *Оузз-олу* (т. е. Сынъ-вола), которымъ оно и назы-
вается до настоящаго времени.

28 Фіалка и гвоздика.

Какіе изъ дикихъ цвѣтовъ могутъ сравняться запахомъ съ ди-
кою фіалкой и садовой гвоздикой? Туземцы Крыма говорятъ, что
никогда не было и не будетъ запаха пріятнѣе этихъ цвѣтовъ;
что ароматъ ихъ даетъ понятіе о красотѣ, блаженствѣ и преле-
сти загробной жизни.

„Еслибъ не было этихъ восхитительныхъ цвѣтовъ—говорила
мнѣ одна молодая гречанка—я быть можетъ не чувствовала бы той
привязанности къ жизни, которая оживляетъ меня. Когда я вды-
хаю въ себя запахъ фіалки, мнѣ представляется міръ неизясни-
мымъ торжествомъ, въ сіяніи неизяснимаго блаженства; когда
же мнѣ подають букетъ махровыхъ гвоздикъ, я погружаюсь въ
какое-то упоительное безпредѣльное наслажденіе, которое не въ
состояніи выразить нашъ грубый языкъ. Говорятъ что чувство
это не можетъ сравняться даже съ первымъ поцѣлуемъ той осо-
бы, которая любима всѣми силами души“.

Армянки и татарки съ особеннымъ удовольствіемъ воспитыва-
ють эти нѣжныя растенія передъ окнами своихъ жилищъ и по-
цѣлымъ иногда часамъ всматриваются въ ихъ бархатные лепест-
ки. Преклоняясь къ нимъ, чтобы вдохнуть живительный ароматъ,
онѣ тихо вздыхаютъ; но о чемъ? О чемъ-то восхитительномъ, о
чемъ-то, чего не существуетъ въ мірѣ, о чемъ-то такомъ, кото-
рое могло бы вѣчно восхищать душу и сердце. Бѣдныя дѣвушки!
напрасны ваши вздохи, потому что нѣтъ въ мірѣ ни единого ра-
зумнаго существа, которое и сегодня и завтра могло бы услаж-
дать васъ такимъ отраднымъ чувствомъ, которое доставляетъ
вамъ обоняніе очаровательной фіалки или неподобной гвоздики.

Для кого и какимъ образомъ создались эти восхитительные цвѣ-
ты? Неужели для животныхъ, которыя беспощадно обходятся съ
растеніями? Этого не можетъ быть. Ясно, что фіалка и гвоздика

созданы не подъ вліяніемъ одной потребности насытить теленка
или голодную лошадь.

Подобныя идеи повидимому зарождались очень часто въ голов-
кахъ любителей цвѣтовъ и послужили основаніемъ старухамъ
придумать подходящую легенду. Вотъ содержаніе ея:

„Въ одномъ дворѣ жили двѣ дѣвицы одного возраста смуглыя
отъ природы. Онѣ никого не могли прельстить своею наружно-
стію, но всѣ, кто зналъ ихъ, считали ихъ за два добродѣтельныѣй-
шихъ ангела. Весь день онѣ проводили въ трудахъ, содѣйствуя
бессильнымъ или слѣпымъ одинокимъ старушкамъ въ мытьѣ бѣлья
и приготовленіи пици. Покончивъ это, онѣ отправлялись на ночь
къ больнымъ и употребляли всевозможныя усилія забавлять ихъ
и дѣлать угодное.“

Но такъ какъ не всегда этимъ добрымъ дѣвушкамъ приходи-
лось подымать съ постели больныхъ, то онѣ повергались въ уны-
ніе и не рѣдко проливали слезы въ сознаніи своего безсилія.

— „Ахъ Фіалка—говорила одна подруга другой—еслибъ мнѣ
пришлось бы найти на нашихъ лугахъ такой ароматичный цвѣ-
токъ, запахъ котораго превосходилъ бы всѣ существующіе аро-
маты, я была бы увѣрена, что многіе изъ молодыхъ больныхъ
нашихъ не умирали бы. Охъ, какъ печально закрывать на вѣки
глаза начинающимъ жить!“

— Мнѣ также не рѣдко приходила эта мысль—отвѣчала Фіал-
ка. И въ самомъ дѣлѣ, что можетъ быть пріятнѣе для человѣ-
ка, когда онъ дышетъ чѣмъ-то такимъ, которое съ упоеніемъ
проникаетъ въ его душу и тѣло. Я тѣхъ же убѣжденій, что еслибъ
намъ удалось найти цвѣтокъ съ очаровательнымъ запахомъ, мы
спасли бы многихъ отъ преждевременной смерти. Знаешь, что
Гвоздика, пойдемъ когда-нибудь въ нашъ лѣсной гротъ и попро-
симъ отъ чистаго сердца добрыхъ духовъ, чтобы они указали намъ,
гдѣ растутъ такіе прелестные цвѣты?

— Я послѣдую за тобою не только въ гротъ, но и повсюду,
куда ты меня позовешь. А помнишь ли ты, что въ гротъ съ прось-
бами ходятъ только однажды въ годъ и именно тогда, когда день
и ночь уравниваются.

— Помню, помню моя дорогая Гвоздика, а такъ какъ до этого
времени не приходится долго ожидать, то мы начнемъ заранѣе
молить Бога, чтобы онъ посодѣйствовалъ намъ въ благихъ на-
мѣреніяхъ.

Нѣсколько недѣль спустя наступилъ ожидаемый подругами день.
Пробудившись съ разсвѣтомъ, онѣ тщательно омылись и, надѣвъ
чистое бѣлье, стали на молитву, которую не прерывали до той
минуты, пока не наступило время идти въ волшебный гротъ. Ти-
хая ночь и яркое сіяніе небесныхъ звѣздъ служили неразлучнымъ
подругамъ единственными проводниками къ мѣсту, куда не рѣша-
лись подступать храбрѣйшіе изъ молодыхъ людей. Безъ малѣйша-
го страха онѣ вступили въ мрачную пещеру и поверглись на
колѣни.

Ровно въ полночь, предъ Фіялкою и Гвоздикою, въ свѣтломъ сіяніи, предстала въ величественной красотѣ молодая женщина и, возложивъ на головы ихъ свои прелестныя руки, сказала тихимъ очаровательнымъ голосомъ:

— Милыя дѣти, ваши добрыя желанія приняты мною съ удовольствіемъ и будутъ исполнены съ наслажденіемъ. Обѣщаю вамъ обѣимъ, что тамъ гдѣ вы наступите ногою будутъ появляться пахучія травы, а тамъ гдѣ вы присядете, выростутъ два различные цвѣтка съ самыми упоительными запахами, за которыми навсегда сохранятся ваши имена.

Лишь только замерли эти слова, въ гротѣ по прежнему стало мрачно и темно. Обрадованныя подруги возвратились домой и съ той поры у всѣхъ призираемыхъ ими больныхъ комнаты наполнялись чудесными ароматами какихъ-то никому не знакомыхъ цвѣтовъ, которые названы были Фіялками и Гвоздиками.

29 Инкерманская пещера.

Въ рукописныхъ запискахъ дѣда моего, по отцу, отмѣчены въ кратцѣ очень многіе полусказочные рассказы, выслушанные имъ въ деревнѣ Варнутка въ началѣ нашего столѣтія отъ туземцевъ, которые какъ извѣстно, послѣ первой эмиграціи грековъ и армянъ въ 1778—79 годахъ, не желая разставаться съ родиною, объявили себя прозелитами ислама и оставались здѣсь до Крымской компаніи, а затѣмъ все таки, какъ бы по волѣ Провидѣнія, должны были выселиться съ этой мѣстности въ Турцію. Варнутка находится невдале отъ Балаклавы, Инкермана и Херсонеса, т. е. такихъ историческихъ мѣстъ нѣкогда славной Тавриды, которыя представляли тысячи замѣчательныхъ явленій и событій и не смотря на всѣ перевороты, должны были сложиться въ эпосы и полумиѣстическія преданія и перейти къ самымъ отдаленнымъ поколѣніямъ. Это такъ и случилось, суди по имѣющимся у насъ запискамъ, изъ которыхъ мы составили три эпохи Херсонеса, стараюсь по возможности придерживаться исторической правды и избѣгать крайнихъ вымысловъ воображенія. При этомъ мы конечно сожалѣемъ, что не можемъ въ настоящее время дополнить эти навсегда утраченныя преданія, которыя не смотря на полнѣйшую наружную миѣстность, содержатъ такъ много намековъ на совершившіяся событія, что каждый знакомый съ исторіею древней Таврики, безъ затрудненія пойметъ, которые изъ нихъ заслуживаютъ вниманія или могутъ быть примѣнимы къ совершившимся фактамъ.

Въ настоящемъ сборникѣ нашемъ мы исключительно приводимъ миѣст правственного содержанія съ цѣлью показать насколько и какимъ способомъ древніе обитатели Крыма вліяли на развитіе молодого поколѣнія, а потому, оставляя въ сторонѣ тѣ изъ легендъ, въ которыхъ проглядываетъ историческое сходство, передадимъ двѣ, три изъ существовавшихъ въ устахъ Варнутскихъ

прозелитовъ, которые сохраняли ихъ въ памяти, пока свѣжо было убѣжденіе о происхожденіи своемъ отъ первобытныхъ христіанъ.

„Инкерманъ первоначально былъ необитаемая никѣмъ мѣстность. Его скалы и долина покрыты были ужасной величины деревьями, между которыми бродили чудовищныя звѣри и страшной длины змѣи, выползающія изъ Кады-лиманскаго *) залива, чтобы отдохнуть и погрѣться на землѣ. Въ такую ужасную труппу естественно не дерзалъ проникнуть ни единый человѣкъ. Тѣмъ временемъ въ Кады-лиманъ прибылъ изъ святыхъ мѣстъ одинъ изъ праведныхъ людей, высокочтимыхъ всѣми пророками, съ тѣмъ, чтобы заявить обитателямъ Крыма, что Богъ ниспослалъ на землю новый законъ и требуетъ, чтобы всѣ чужіе Его имя прислали въ священныя Хутлу-шерифъ **) способныхъ людей для изученія всего непонятнаго и полученія точныхъ снимковъ съ заповѣдей. Лишь только узнали объ этомъ жида, которые всегда враждовали противъ всѣхъ пророковъ Божіихъ и убивали ихъ изъ боязни, чтобы отъ нихъ не сокрушилась ихъ черная вѣра, начали собираться въ домахъ и совѣтываться какія принять мѣры, чтобы народъ не повѣрилъ вѣстнику и не выслалъ бы избраннаго изъ среды своей въ Хутлу-шерифъ. Но пока они совѣщались, одинъ изъ Кады-лиманскихъ афузовъ ***) заинтересованный рассказами о пророкахъ, не говоря никому ничего, рѣшился самъ съѣздить въ Хутлу-Шерифъ и собственными глазами убѣдиться въ рассказахъ вѣстника. Многое видѣлъ, слышалъ и изучилъ этотъ мудрый юноша, которому Аллахъ въ награду даровалъ сѣдую бороду въ знакъ благоволенія и внушенія вѣры къ словамъ его. Съ этимъ божественнымъ отличіемъ Саміанъ-афузъ возвратился въ отечественный городъ свой, но прежде чѣмъ онъ дошелъ до материнскаго дома, жида, узнавшіе по бородѣ его, что онъ освятился обществомъ святыхъ посланниковъ, преградили ему дорогу и потребовали подъ угрозою смертной казни немедленно удалиться изъ города и никогда не смѣть вступать въ него. Саміанъ началъ просить взглянуть на мать и потомъ уже исполнить ихъ приказаніе, но злые люди, боясь, чтобы святость своего онъ не передалъ прикосновеніемъ руки или устъ другимъ, не отступили отъ постановленія своего и начали изгонять его палками и камнями, какъ зараженнаго чумою.

Саміанъ не смѣлъ сопротивляться.

— Куда же я долженъ идти? спросилъ онъ.

— Иди въ труппу Инкермана и горе тебѣ, если ты осмѣлишься выгнать оттуда. Мы не пощадимъ и мать твою.

*) Такъ называлась въ началѣ нашего столѣтія севастопольская бухта.

**) Иерусалимъ. Будь сказано въ легендѣ Мекка мы обязаны были бы отнести этотъ рассказъ къ мусульманскимъ преданіямъ.

***) Молодые ученые, знающіе весь коранъ.